

Как все закончилось

Лучше не противиться переменам, что приносит карта таро «Смерть». Сопротивление делает трансформацию сложной. И болезненной. Вместо этого следует отпустить, принять необходимые перемены, увидеть в них новое начало. Карта «Смерть» означает, что пора провести под прошлым черту и двигаться вперед. Она говорит: отпусти то, что больше тебе не служит.

Комментарий художника.

Смерть. 36 × 48. Холст, масло

В лесу темнее, чем она ожидала. Старые деревья качаются и гнутся на ветру. Дождь волнами падает на лесной полог. Скальная тропа — узкая и скользкая от грязи. По дороге стелется туман, отражая слабый луч на-лобного фонаря.

Она бежит все глубже в лес, и в животе поднимается страх. Нужно было отыскать телефон, прежде чем уходить из студии. Не следовало идти так поздно. Но ее тянули в ночь, в когти летней грозы, голоса, снова зазвучавшие в голове. Ей было отчаянно нужно от них сбежать. С другой стороны, она знает — ей не убежать от них никогда. Не сейчас. Там, снаружи, нет никакого монстра. Это не кто-то другой. Монстр у нее в голове. Это она сама.

Я... ударила... на мне кровь... не могла ударить еще... слишком мал, чтобы умирать... умолял... не убивать... услышала бульканье... останавливаться было уже нельзя. Нужно было закончить.

В груди поднимается немой крик. Звук оживает. Пронзает уши. Глаза жгут слезы. Она отталкивается сильнее, быстрее, отчаянно желая скрыться. Дыхание сбивается. В груди тяжелеет. Футболка под водонепроницаемой курткой мокнет от пота.

Мозг прорезает картина — зияющие раны. Стамеска в глазнице. Кровь... Столько крови. Она разбрызгана по стенам, потолку, абажурам, телевизору, велотренажеру. Ковер в коридоре стал мокрым и липким. Она снова чувствует этот запах. Жаркий. Мясной.

Мне жаль. Мне ужасно, ужасно жаль... Я была другим человеком. Я даже не узнаю этого человека. Это было не по-настоящему, это была не я.

Она видит отблеск лезвия. Слышит крики. Начинает бежать еще быстрее.

Я убила... Убила... Убила. Я не хотела...

Над листвой сверкает молния, гремит гром. Она испуганно спотыкается и едва не падает. Ошарашенно останавливается, наклоняется вперед и кладет руки на бедра. Большими глотками втягивает воздух. Сердце колотится о грудную клетку. В свете налобного фонаря ее выдохи напоминают призрачные облака пара. Снова гремит гром, раскатываясь по океану. Она не видит моря, но его чувствует — зияющая, пустая чернота под скалами за деревьями справа. А теперь, замерев, она слышит за стуком дождя, как волны с грохотом перекатывают гальку у подножия скал из крошащегося песчаника.

Все пошло так неправильно.

У нее был план, но он обернулся против нее самой. Теперь она не знает, что делать и как вообще жить. И в чем цель ее существования.

Что-то движется среди деревьев. Она напрягается, всматривается в лесные тени справа. Когда она начинает двигаться, луч фонаря подрагивает в тумане, и тени мечутся и прыгают. Она сглатывает и пристально вглядывается в темноту среди стволов и папоротников.

Снова сверкает молния. Почти мгновенно следует удар грома. Гроза прямо над ее головой. Дождь барабанит все сильнее, и ветер шумит в верхушках, словно стремительная река. Боковым зрением она замечает среди деревьев силуэт в капюшоне. Потом он исчезает.

Пuls ускоряется. Во рту пересыхает. В животе поднимается паника.

Нужно выбирать из леса. Она бросает взгляд обратно на тропу. Возвращаться дольше, чем идти вперед. Если поднажать, через несколько минут она выберется на открытые утесы, поросшие травой. Чаша останется позади. Дальше будет парковка, а за ней — улица с фонарями. Там светлее. Безопаснее. Она сможет добежать домой по дорогам, под фонарями.

Она снова начинает бежать. Сверкает молния. Она движется быстрее, спотыкаясь о корни, поскользываясь в грязи. Шишки и маленькие веточки отрываются от деревьев и падают вниз. Одна шишка пролетает прямо рядом с ее головой. Она пригибается. Из-за резкого движения тени прыгают и мечутся. Она опять останавливается. Тяжело дыша, оборачивается и снова видит среди деревьев человека в капюшоне. Его лицо во тьме — словно под маской.

Туман густеет, и он исчезает. Когтистая лапа страха сжимает ей горло.

Она бежит еще быстрее, ноги толкают ее вперед, кроссовки скользят. Она спотыкается. Но удерживается на ногах, взмахнув руками, и пытается бежать еще быстрее.

Еще одна вспышка молнии. На мгновение тропа впереди ярко освещается. Она снова видит силуэт в капюшоне. Теперь у него в руке фонарь, и еще один ярко светится на лбу. Безликий циклоп. Ее тело замирает. Мозг парализован. Она не может ни дышать, ни двигаться. Он подходит к ней, ближе, ближе. Свет ее фонаря падает на отражающие полоски на его штанах и куртке. Они сверкают, как серебряные лезвия, как костюм скелета на Хеллоуин.

Я... ударила ножом... на мне... кровь. У нее нет телефона. Нет оружия.

Внезапно он бросается к ней. Она ныряет с тропы в густые заросли под деревьями. Продирается сквозь кусты ежевики, спотыкаясь и падая на палки, камни и корни, размахивает руками, пока ветки бьют ей в лицо.

Он следует за ней в кусты, и два луча его фонарей создают во мгле яркие тоннели, освещая стволы и листья, и серебря капли дождя. Снова гремит гром. Она всхлипывает. Слезы жгут глаза. Очередная ветка отскакивает и рассекает ей щеку. Дождь — или кровь — течет по лицу. Она его слышит. Он идет. Словно большое животное продирается сквозь кусты, все ближе и ближе. Она слышит его дыхание. Снова падает, ползет на четвереньках по грязи, раня ладони о шипы и ветки.

С очередным всхлипом она залезает под низкую ветку. Выключает налобный фонарик и пытается сидеть тихо. Но лучи света приближаются. Она видит, как они освещают землю. Он почти над ней, и это невыносимо.

Она с криком вырывается из убежища и бросается вперед, как раненый олень. Внезапно деревья заканчиваются, и впереди лишь черная пустота. Она достигла края леса. Обрыв. Океан. Она оборачивается и сталкивается с ним. Она в ловушке.

— Что... Что тебе нужно?

Он поднимает руку с фонариком, словно оружие. Он что-то говорит, но у нее в голове раздается лишь оглушительный рев. Он тянется к ней и хватается за руку.

Она кричит, бьется и вырывается из его хватки. Теперь она прямо на краю. Она тяжело дышит. Он пригибается к земле и покачивается, прицеливаясь, готовый прыгнуть и не дать ей уйти. Она чувствует под ногами голые камни. Она на самом краю скалы.

Он что-то кричит, но его слова заглушают рев ветра в деревьях и шум волн под скалами. Он снова тянется к ней, она с криком царапает его лицо и шею. Пальцы цепляются за ткань, кепка и капюшон слетают прочь. Очередная вспышка молнии освещает его лицо.

Она цепенеет.

Ты?

Но за секундный шок приходится заплатить. Рука противника поднимается высоко в воздух, и он с силой бьет ее фонариком по виску. Она пошатывается, на мгновение ослепнув, чувствует, как он толкает ее в грудь, и земля уходит из-под ног.

Она опрокидывается назад, в пустоту. Раскинув руки, понимает, что падает со скалы. Из груди вырывается крик, пока она, переворачиваясь, летит вниз под проливным дождем и неистовым ветром. Пульсирует молния. Раскат грома поглощает ее крики.

Плечо ударяется об камень. Она отскакивает. Голова стучается о другой камень, ниже. Тело кубарем катится в пустоту, и еще ниже она стучится ребрами и лицом об уступ. Чувствует, как трескается шея, ломается спина. Когда она бьется головой об очередную зазубренный камень на пути к галечному пляжу далеко внизу, мир милосердно отключается.

Голоса — наконец — смолкают.

ЛИЛИ

Сейчас

20 июня, понедельник

ЗАМЕТКИ В КАРТЕ: ТАРРИН

Пациент, 15, пришла после ареста за воровство в магазине. Уверяет, что ей не нужно лечение, она «не сумасшедшая», но родители заставили ее посетить «несколько сеансов», чтобы выполнить требования суда.

Утро выдалось сумрачное, с тяжелыми облаками. Дует ветер, и дождь струится по окнам домашнего офиса доктора Лили Брэдли. Гроза, прервавшая вчера барбекю с соседями, никак не успокаивается. Лили боится, что древний тополь, растущий над сараем в углу их двора, сломается из-за порывов ветра и упадет на дом. А именно на чердак, где находится комната ее восьмилетнего сына. Сейчас она старается об этом не думать. Как и о том, почему ее муж, Том, ушел на пробежку в 5:30 утра. Во мраке шторма.

Она старается не думать об ужасающем вчерашнем скандале. Ни она, ни Том пока не смогли полностью осознать произошедшее и то, как оно изменит их жизни. Лили

просто пытается сосредоточиться на работе с клиентами. Она понимает: это своего рода отрицание. Но рутина — тоже ее метод выживания. «Нагромождение» привычек для строительства идеальной жизни дает Лили контроль над миром. Ей *нужна* рутина. Ей нужно чувствовать контроль.

Пробежки Тома в грозовой тьме *не* относятся к рутине семьи Брэдли. Лили увидела, что его нет, рано утром, когда прогрохотал гром и сверкнула молния, заставив ее резко сесть в постели. Во вспышке света она увидела отброшенное одеяло с его стороны. Матрас был холодным. Она спустилась вниз и обнаружила на столешнице записку.

Ушел на пробежку, проветрить голову.

Она пытается сосредоточиться на работе, на пациентке, Таррин Уингейт, которая сидит перед ней на серо-желтом диване. Стул Лили сделан из дерева и мягкой, податливой кожи. Эргономичный дизайн. Стоил целое состояние. Но она сидит на этом стуле минимум восемь часов в день на консультациях с клиентами, и ей должно быть удобно. На ней свободные льняные брюки и кремовый свитер. Простые жемчужные бусы. Золотистые волосы собраны на затылке в мягкий пучок. Несколько прядей висят свободно. Женственно, но аккуратно. Профессионально. Утонченно. Но дружелюбно. Внешний вид — тоже часть ее рутины, ее самовыражения, и он должен вызывать уверенность и, прежде всего, доверие.

Доверие — ключ психотерапии.

Ее кабинет обставлен похожим образом. Изысканно, но комфортно. Безопасное, спасительное место. Как и само название ее практики, «Оак Три Терапи¹», — в честь дуба,

---

¹ О а к Т р и (Oak Tree) — дуб (англ.) (прим. переводчика).

цельного, но растущего организма, способного выдержать давление времени, с глубокими корнями.

Но сегодня она совершенно не чувствует себя в безопасности.

Ее корни обнажились. Внутренности не защищены. Она в ужасе — вся их жизнь, все, над чем она столь усердно работала, вот-вот разрушится на куски.

У нее на коленях лежит блокнот. Сверху страницы она написала: *Таррин, 7:30 утра.*

— Спасибо, что пришла так рано, Таррин, — говорит она.

— Для меня это не рано, — отвечает пятнадцатилетняя девочка. — В прошлый раз я рассказывала вам, что обычно хожу в бассейн к половине шестого утра, чтобы успеть потренироваться перед школой.

Таррин не пользуется косметикой. На ней дорогие брендовые джинсы и толстовка. Каштановые волосы до плеч собраны в небрежный хвост. Спортивная фигура. Ясные глаза. В ней еще чувствуется враждебность. Она пока не доверяет Лили.

Лили выдавливает легкую улыбку и ничего не отвечает. Она ждет, когда юная пациентка проявит инициативу. Она может многое сказать о человеке по паузам в словах. И по языку тела.

Таррин, смущенная молчанием Лили, ерзает на диване.

— Так сколько еще раз мне нужно прийти? Я уже сказала вам, что украла тот розовый свитер и меня забрали в полицию. И я сказала владельцу магазина, что мне жаль.

— А тебе жаль, Таррин?

Снаружи грохочет гром. Дождь снова бьется в окна. Мысли Лили возвращаются к ссоре. *Почему он еще не вер-*

нулся? Она старается не смотреть в окно, на тополь, опасно клонящийся на ветру. Прошлым летом она попросила Тома его срубить. Он настоял, что нужно дождаться, пока подрастут детеныши енотов, гнездящихся на дереве. Теперь все еноты выросли, но по-прежнему живут на дереве.

— Разве это важно?

— Если на самом деле тебе не жаль, зачем ты сказала это владельцу магазина?

— Мне пришлось. В рамках программы суда.

Лили кивает. Ждет.

Таррин опускает взгляд, трогает пальцем дырку в диванной порезанных фирменных джинсах.

— Я не сумасшедшая, — говорит она. — Я просто не знаю, как все должно проходить. И насколько долго.

— А еще ты сказала, у тебя были деньги, Таррин, и при желании ты могла купить свитер. Но не объяснила, почему вместо этого решила украсть.

Таррин медленно поднимает взгляд.

— Что, если я не хочу об этом говорить?

— Ну, дело твое. Мы можем говорить о чем угодно. Это твое время, твое место. Безопасное время, Таррин. Личное. Как я уже говорила, все сказанное в этой комнате остается в этой комнате. Конфиденциальность клиентов — основа основ, а значит, ты сама выбираешь, как строить со мной отношения. И повторюсь, как я уже говорила на первом сеансе, если ты столкнешься со мной вне кабинета, узнавать меня или нет — исключительно твое дело, я пойму намек.

У Таррин на лице появляется хитрая улыбка.

— Как вы недавно проигнорировали меня в бассейне, сделал вид, будто мы незнакомы, когда привели сына на урок плавания?